

Лидия Гортинская

**Дирижёр
роя**

Лидия Гортинская
Дирижёр роя

«Автор»

2026

Гортинская Л.

Дирижёр роя / Л. Гортинская — «Автор», 2026

На далёком астероиде скрывается Макс Карасёв — редкий специалист, способный управлять роем дронов так, будто это продолжение его собственного тела. Но спокойная жизнь среди геологов рушится, когда пираты захватывают станцию и вынуждают Макса участвовать в дерзком нападении на пассажирский лайнер. Теперь ему предстоит выбрать между собственной свободой, жизнями заложников и тысячами людей на борту «Атласа». «Дирижёр роя» — динамичная космическая история о долге, доверии и человеке, который умеет превращать машины в искусство, а в нужный момент — в последнюю надежду.

© Гортинская Л., 2026

© Автор, 2026

Лидия Гортинская

Дирижёр роя

Дирижёр роя

Я никогда не любил астероиды, при этом не потому, что в них было что-то особенно плохое. Плохого как раз хватало везде. Просто астероиды всегда казались мне временным недоразумением природы: камень, который случайно не стал планетой, но почему-то решил, что и так сойдет.

Астероид Гамма-Нева-7 был именно таким.

Снаружи он был серый, рваный, весь в трещинах и старых ударах от метеоритов, будто космос много лет пытался его добить. Внутри, зато, прятались жилы палладия, редких силикатов и «тяжелого льда» из трития, за который в нынешние времена платили очень много. На поверхности стояло несколько куполов геологической станции, антенное поле, склад, ремонтный бокс и посадочная площадка.

Я работал там третий месяц. Формально я был оператором автономных сервисных систем, а неформально – человеком, которого геологи согласились у себя прятать.

Они не задавали лишних вопросов. Я тоже, ведь это вообще лучшая основа для человеческих отношений в космосе.

Начальника станции звали Семён Алексеевич Гринько. Он был геологом старой школы, то есть из тех людей, которые смотрят на камни с большим уважением. Его дочь Лиза приехала на станцию на каникулы. Ей – двенадцать. Она была слишком наблюдательной для спокойной жизни и слишком честной для удобного общения. Волосы у неё всё время выбивались из любого хвоста, а глаза были очень серьезными. Она везде таскала бумажную книгу Булычева про Алису и зачитывала лучшие, по ее мнению, моменты из нее, вслух.

Именно она первой поняла, что я не просто техник. Это случилось на шестой день.

Снаружи бушевала пылевая взвесь – не буря, конечно, на астероиде для бури нет атмосферы, но вполне достаточная мерзость, чтобы не выпускать наружу людей без необходимости. Геологи сидели в центральном модуле, спорили о составе породы и пили такой крепкий чай, что им, кажется, можно было протирать контакты.

Я был в ангаре, передо мной на магнитной платформе лежали сорок два сервисных дрона. Обычный человек сказал бы: одинаковые. Любой инженер сказал бы: мелкие, восьмилучевые, второй модификации, разведка и микромонтаж. А я видел другое – векторы, отклик, небольшие задержки в левом контуре у шестого, излишнюю самоуверенность тридцать первого, привычку семнадцатого чуть уходить вверх на повороте. Люди любят думать, что техника безлична. Это потому, что они не умеют слушать железо достаточно долго.

Я поднял ладонь, ничего эффектного со стороны не произошло. Я вообще не любил эффектов, от них всегда больше разговоров, чем пользы.

Просто в голове раздался привычный тонкий шум – как будто где-то за костями черепа, заработал рой мелких электрических насекомых. Имплант в моторной коре подхватил сигнал, наручные нейроинтерфейсы откликнулись, и дроны начали подниматься.

По одному, потом по трое, потом сразу группами. Они собирались в воздухе быстро и легко. Сначала я вытянул из них рабочую решетку для переноса груза. Потом – спираль. Потом, сам не знаю зачем, дракона.

Дракон получился хороший. Не страшный, конечно. Сорок два ремонтных дрона вообще плохо подходят для страшного. Зато он был узнаваемый: длинная шея, ребристая спина, крылья из светящихся контуров, хвост, который двигался очень плавно.

– Ничего себе, – сказала у меня за спиной Лиза.

Я не вздрогнул. Дирижёр роя, который вздрагивает при ребенке, – зрелище не то, чтобы невозможное, но профессионально обидное.

– Подкрадываться нехорошо, – сказал я.

– А делать дракона из рабочих дронов хорошо?

– Зависит от обстоятельств.

Она подошла ближе. Дракон медленно повернул голову, потому что я машинально дал команду на реакцию.

Лиза замерла.

– Он как живой.

– Нет, – сказал я. – Он как очень дисциплинированная коллективная иллюзия.

Она задумалась.

– Это почти то же самое.

Я покосился на нее.

– Тебе сколько, двенадцать? Ты не должна так разговаривать.

– А вы не должны делать драконов, если вы просто техник.

Вот за это дети и опасны, взрослые еще умеют для приличия не замечать очевидного.

Я опустил руку. Дракон рассыпался. Дроны на секунду зависли, потом перестроились снова.

– Смотрите, – сказала Лиза, уже почти шепотом.

Я и так смотрел и улыбался, ведь из дракона получились цветы, при этом, не один букет – это было бы пошло, нет, сорок два дрона развернулись в воздухе тонкими металлическими лепестками, светодиоды пригасли, контуры стали мягче, и над платформой поплыл целый сад – серебристый, невозможный. Что-то среднее между лилиями и воспоминанием о них.

Лиза дышала так тихо, будто боялась, что от громкого вдоха всё распадется.

– Как вы это делаете?

Я пожал плечами.

– Руками, головой.

– Это телепатия?

– Очень дорогая разновидность производственной дисциплины.

Она перевела взгляд на меня.

– Папа говорил, бывают такие специалисты. Дирижеры роя. Их готовят только в «Заслоне».

– Твой папа слишком много знает.

– Это потому, что он взрослый.

– Нет. Это потому, что он геолог и любит собирать редкости. Некоторые люди коллекционируют минералы. Некоторые – слухи. Некоторые умудряются совмещать.

Она улыбнулась. Потом снова посмотрела на рой.

– А сколько вы можете держать?

– В смысле?

– Сколько дронов сразу.

– Пятьдесят.

– Это много?

– Для человека – предел.

Она произнесла очень серьезно:

– А вы человек?

Я посмотрел на нее, потом осмотрел свои руки.

– Ну, сегодня, вроде, да.

Она кивнула, как будто это был приемлемый научный ответ. Потом открылась дверь ангара, и в проеме появился Гринько. Он оглядел меня, Лизу, цветы из дронов, снова меня и вздохнул с тем глубоким смирением, которое бывает только у отцов.

– Лиза!

– Я ничего не трогала.

– Это и пугает. Мешаешь работать.

Он вошел, сунул руки в карманы куртки и посмотрел на меня.

– Макс.

– Семён Алексеевич.

– Я, конечно, не специалист по красивым жестам, но, если ты так же ловко соберешь мне наружную геораму для сектора Б-12, я перестану делать вид, что не догадываюсь, кто ты такой.

– Я, между прочим, очень ценный вид.

– Да. Но ресурсоемкий.

Я кивнул.

– К утру будет готово.

Он посмотрел на цветы, потом на Лизу.

– Ну хоть кто-то на станции умеет производить впечатление.

– Папа.

– Что?

– Ты сейчас завидуешь!?

– Немного, – признался он.

Лиза ушла с ним, но уже в дверях обернулась:

– Макс?

– Что?

– А завтра можно еще?

– Что именно?

– Дракона.

Я подумал.

– Завтра – корабль.

– Настоящий?

– Нет. Настоящий мы не потянем.

Она засмеялась и убежала. Я остался в ангаре один, ну, почти один, если не считать сорока двух машин, импланта у меня в голове и той неприятной мысли, которая последнее время сидела у меня за как клин: люди слишком быстро ко мне привыкают, а это всегда плохо заканчивалось.

Про дирижёров роя в официальных брошюрах писали странно: слишком грамотно, с каким-то мертвым корпоративным уважением, которым большие структуры любят описывать вещи, стоящие очень дорого и ломающиеся не по гарантии: «Специалист по нейрокинетическому управлению многоагентными системами», «Оператор с расширенным симбиозом командного интерфейса», «Уникальная компетенция распределенного тактического контроля».

Всё это означало простую вещь: человеку вживляли в мозг и в руки такие наносхемы, после которой он мог чувствовать рой как продолжение собственной нервной системы.

Небольшие телепатические способности там тоже были. Не в том смысле, который любят дешёвые журналисты. Я не читал мысли. Для этого, во-первых, надо любить людей сильнее, чем я. Во-вторых, мысли у большинства и без того угадывались слишком легко.

Но дирижёр чувствовал импульсы, намерение, эмоциональный сдвиг в группе, направление паники, то неуловимое человеческое электричество, которое обычные люди называют интуицией, а инженеры – помехой в сигнале.

Проблема была в том, что хороший дирижёр роя стоил дорого не только при обучении и создании. Его надо было содержать, лечить, иногда – чинить. И почти всегда – прятать! Потому что пятьдесят дронов в руках умного человека – это оружие.

Нападение началось через четыре дня. Как и всё действительно плохое, оно сначала выглядело почти прилично.

На радаре появилась легкая транспортная шхуна без опознавательных огней, на запрос ответила гражданским кодом, попросила аварийную дозаправку, сослалась на сбой траектории и повреждение контура охлаждения. Даже голос у капитана усталый, вежливый, чуть раздраженный.

Гринько связался со мной из рубки.

– Макс, посмотри.

Я посмотрел.

– Не нравится мне это.

– Почему?

– Потому что они слишком стараются.

– Это не преступление.

– В космосе – почти да.

Он молчал секунду.

– Откажем?

Я посмотрел на экран, на траекторию шхуны, на слишком плавное снижение, послушал паузу перед ответом, заметил, как аккуратно они держались в слепой зоне внешней камеры.

– Уже поздно, – сказал я.

И в этот момент у них отключился гражданский код: очень честный был поступок с их стороны, почти трогательный.

На экране вспыхнула красная отметка, потом вторая, потом третья – маленькие десантные капсулы, отделившиеся от брюха шхуны и пошедшие к станции. Тревога завывала сразу и как-то без вдохновения. У нашей станции вообще всё было немного уставшим, даже система безопасности.

– Все в укрытие, – рявкнул Гринько в общий канал.

– Поздно, – повторил я, уже вставая.

– Карасёв.

– Да.

– Только не геройствуй.

– Это очень расплывчатая инструкция.

– Тогда конкретнее. Не дай им забрать Лизу!

Я уже бежал по коридору.

– Принято.

– И еще, Макс.

– Что?

– Себя тоже по возможности не отдавай.

Я усмехнулся.

– Вот это уже совсем сложновыполнимый приказ.

Связь оборвалась. Я влетел в ангар на полном ходу. Рой уже ждал. Сорок восемь дронов стояли на зарядных направляющих, еще два были на внешнем контуре. У меня был собран полный рабочий комплект. Я поднял обе руки, и мир привычно сужился.

Это всегда странное чувство: как будто тебя вдруг становится больше, чем один. Пять дронов ушли в вентиляционные шахты. Восемь – на внутреннюю оборону. Шесть – к шлюзу номер два. Десять – наружу, на слепой перехват капсул. Остальные остались со мной.

В голове раскрылся многоголосый металлический хор. Каждый сигнал – как укус, как вспышка, как короткая мысль. Обычный оператор захлебнулся бы на двенадцати. Хороший – на двадцати пяти. Я держал сорок восемь и чувствовал, как имплант начинает теплеть где-то под затылком.

На внешней камере первая капсула уже резала плазмой поверхность шлюзового кольца.
– Нет, – сказал я вслух, хотя говорить было не обязательно.

Шесть дронов ударили сразу. У сервисных машин плохие отношения с оружием, потому что его нет, но зато прекрасные – с точностью. Два срезали плазменный резак, один вошел в стык крепления, еще три разом ударили в стабилизаторы капсулы. Та дернулась, провернулась и, медленно кувыркаясь, ушла вдоль поверхности астероида, как пустая банка.

Вторая капсула села у склада. Третья – прямо возле аварийного шлюза. Они знали план станции. Это было ожидаемо и неприятно. Как почти всё в жизни.

Дверь ангара распахнулась. На пороге стояла Лиза. Конечно! Потому что в критический момент дети всегда оказываются ровно там, где взрослые их особенно не хотят видеть.

– Назад! – рявкнул я.

Она не шелохнулась.

– Там папа! Они в командном модуле!

Вот за что я не люблю ясность, она мгновенно уничтожает иллюзии выбора.

Я переформировал рой. Девять дронов ушли в коридоры, еще четыре – к потолочным шинам, чтобы перерезать свет. Мне нужна была темнота. Мне почти всегда нужна была темнота. Умной машине зрение не обязательно. Умному нападающему – полезно. Значит, надо лишить его полезного.

– Лиза!

– Что?

– Сейчас ты очень тихо идешь в техотсек, закрываешься там и не выходишь, пока я сам не приду.

– Я не маленькая.

– Это самое детское, что можно сказать в двенадцать лет.

– А если папу убьют?

Я посмотрел на нее. Нехорошо так смотреть на ребенка. Очень по-взрослому, очень прямо. Но времени на мягкость уже не было.

– Тогда я разберусь с этим сразу после того, как вытащу его.

Она секунду молчала. Потом спросила:

– Обещаете?

Вот это самое тяжелое. Не спасать. Обещать.

– Да, – сказал я. – Иди.

Она кивнула и убежала.

Я дал дронам темноту. Станция провалилась в аварийное красное освещение. Пираты вошли через три точки сразу. Их было девять.

Я понял это почти мгновенно – по шагам, по сердцебиению, по тому, как рой отслеживал движение. В этом и была редкая часть профессии, о которой не любили говорить: дирижёр роя управляет не только машинами, он управляет пространством, в котором эти машины становятся важнее любого оружия.

Первого я даже не увидел. Он выскочил из бокового прохода, и два дрона уже были у его лица – не чтобы убить, нет. Просто один ударил в визор, второй в руку, в которой он сжимал

бластер. Мужчина выругался, ослеп на секунду, а третья машина вошла ему под колено. Он рухнул.

Второй успел выстрелить. Заряд прожег стену там, где моя голова была бы полсекунды назад.

Вот за что я ценил хорошие импланты: они успевали реагировать раньше меня.

Я ушел в сторону, дал команде захват, и четыре дрона затащили ствол его карабина в полимерную сетку из ремонтной пены. Он дернул оружие, не понял, и в этот момент с потолка ему на шлем сели еще два.

Я не убивал, по возможности, это тоже один из тех компромиссов, за которые потом не хвалит вообще никто.

В командном модуле было хуже: там захватили Гринько и еще двоих геологов. Капитан пиратов стоял так спокойно, будто приехал на деловую встречу, а не на разбой. Высокий, сухой. У него были короткие седые волосы и очень чистый скаф-комбинезон. На связи он вышел сам.

– Макс Карасёв, – сказал он. – Наконец-то.

Я замер. Плохо, когда преступник знает твое имя раньше, чем ты увидел его лицо.

– У вас преимущество передо мной, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.